84(2Рос-6Хан5Окт)
Ш15

Валентина
ШЕСТАКОВА

КРУГОВОРОТ

Валентина Шестакова

Круговорот

стихи

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Межпоселенческая библиотека
Октябрьского района»
Отдел обслуживания

032580-1 ЦОД

г. Советский
2000 г.

ББК 84
Ш 15

Шестакова Валентина Иосифовна – учитель русского языка и литературы Нарыкарской национальной средней школы Октябрьского района. Стихи пишет с детства. Печаталась в районных, окружных и областных газетах, в журнале «Югра».
«Круговорот» - первая поэтическая книга Валентины Шестаковой.

IBSH 5 – 94007 – 004 - 3
УП ХМАО «Советская типография»

«И К ОЗЕРУ ПРИПАСТЬ, И ПИТЬ ЗАРЮ...»

Книга стихотворений Валентины Шестаковой посвящена Сибири.

Читателя ждет радость знакомства с личностью поэтически одаренной. Воспоминания детства, размышления о жизни, женской судьбе, современности воплощаются у Валентины Шестаковой в лирические стихи так органично, как будто для нее это единственно возможный способ выражения. Она легко и непринужденно делится с читателем своими задушевными переживаниями, облекая их в энергичную и ясную форму. Тяготение к классике прослеживается в афористичных

концовках некоторых стихотворений, в выборе живописной детали образа, в попытках новой разработки «вечных» тем.

Автор редко берется за прямое изображение фактов своей биографии. Не спешит она высказаться и по поводу сиюминутных впечатлений, набившей оскомину «злобы дня». Поэтическое освоение действительности связано для нее больше с художественностью, чем с документальностью.

Тем притягательнее делаются строки стихотворений «Тундра», «Меня взрастил и выкормил раздольный…», «Волчица», в которых изображены картины Севера. «Круговорот», «Любовь и Красота», «Жизнь», «Что есть душа?», «Сыну», «Ломают дом» - стихотворения философичные. Впрочем, любовью к мудрости пронизаны и многие другие произведения Шестаковой. Это помогает автору избежать скучного повторения расхожих банальностей, чем грешат многие новички в поэзии.

Свежим представляется подход к женской теме. Собственно, автор не выделяет ее, как и не навязывает своего решения других важных проблем. Интереснее, пожалуй, то, что налицо не «женская поэзия» как таковая, в отличие от поэзии «мужской», если так можно выразиться, а владение поэтическим способом мышления, которым может гордиться любой поэт.

Сергей Сметанин,
член Союза писателей России.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

Я люблю тебя, Жизнь!
Что само по себе и не ново.
К. Ваншенкин.

Я люблю тебя, жизнь,
за рассветы твои и закаты,
За прилет журавлей,
за вечернюю трель соловья,
За просторы твои,
громовые над ними раскаты
И за то, что живу я
и пью терпкий мед бытия.
Я иду по земле не спеша,
ни о чем не жалея,
Небосвод над моей головой
голубой-голубой,
Одесную ромашки цветут, лепестками белея,
А ошуюю ходит ковыль золотистой волной.
И уводит тропинка меня
то в пшеничное поле,
То за колок березок,
где стройно качается рожь.
Там деревья, рождая ветра,
веселятся, доколе
Как на струнах, на ветках их
не наиграется дождь.
Я люблю тебя, зная,
что я на земле только гостья,
У порога бессмертия
мне суждено умирать.

Что ж, прошу схоронить меня
на деревенском погосте,
Над уральской рекой,
где лежит моя добрая мать.
Но и после: закаты твои
и земные рассветы,
И осеннюю грусть,
и весенний прилет журавлей
Буду воспринимать
как бушующей жизни приветы,
Став одним из колосьев
в бескрайних просторах полей.

* * *

Мы любовь свою долго к себе приучали,
Не простым – золотым кольцевали кольцом.
Только ей никогда ничего не прощали,
Не щадили, а нам бы – рядком, да ладком.
Не боясь оттолкнуть, потерять ненароком,
Незаслуженно гнали ее по ночам,
И поэтому в нас было мало ей прока –
На челе ее нежном рождалась печаль.
И любовь уходила от нас осторожно,
(Так от ложа больного уходит родня),
Чтобы не было стыдно нам и безнадежно,
Чтобы ночь не была виноватее дня.
Вот уже и разлука у окон маячит,
Мы с бедою своею один на один.
Где ошиблись? Когда? Что же переиначить?
Ухватились за ниточку. ниточка – сын.
Он связал наши души тугими узлами,
Он поставил заслоны любви у дверей,
Он смотрел на нее голубыми глазами.
И любовь ожила, стала проще, мудрей.

* * *

Судьба отмерит столько, сколько надо,
Рассортирует по ночам и дням.
Ребенок как-то вышел за ограду
И побежал он босым по полям.
А жизнь совсем на поле не похожа,
Не торопись ее пройти, сынок.
И мне был сладок вольный ветер тоже,
И мой был близок счастья огонек.
С тех пор прошло и лет, и зим немало:
Нет сил в ногах и крепости в руках.
Ах, если б это сердце понимало,
Душа бы не витала в облаках.
Приняв покой под старость, как награду,
Она, душа-то, знала б цену дням.
Нет, бестия, выводит за ограду
И манит, манит босым по полям…

* * *

На месте, лежа,
Обрастает камень.
И нам бы не мешало отдохнуть.
Но ветер путешествий
Треплет ставень
И веткой в окна бьет –
Торопит в путь.
Блажен, кто жизнь проводит
В отчем доме
От первых дней
И до последних дней, -
Но издали к нему любовь весомей,
Но издали он краше и милей.
Дорог излуки -- новая забота,
Чужой рассвет,
Невиданный закат.
И вечное:
Что там, за поворотом?
И грусть по дому,
Хоть беги назад.
А возвратившись,
Преклоним колени
У отчего родимого крыльца.
Притихнем,
Чтобы вымолить прощенье
И новой силой
Напоим сердца.

* * *

Бедные, измотанные люди,
Гордые уставшие умы!
Как мы ненавидим, верим, любим!
Как живем! Как умираем мы!
Ищем то ответа, то награды
И боимся поглядеть назад.
Господи, а ведь всего-то надо
На рассвете встать и выйти в сад.
Заболеть покоем, далью неба,
Первозданной чуткой тишиной.
Задохнуться от порывов снега,
Насладиться сердцем новизной,
Дать глазам увидеть свежесть утра,
Дать полет почувствовать душе
И понять: жить – это очень мудро,
Что совсем не значит – «вообще».
Жизнь – она у вечности мгновенье,
На исходе уж, а как не жил!
Мы не знаем, где и в чем спасенье,
Но остановиться нету сил.
И летят шальные дни, как птицы,
И мелькают ночи за окном…
Некогда опять становиться.

- Что это?
- Ах, сад! Потом… Потом.

ЖИЗНЬ

Т. И. Макаровой

I

Я рождена за тысячу веков
Из света, из божественного пенья.
Я вырвалась из неземных оков,
Росла из поколенья в поколенье.
Жила с каким народом? В чьих садах
Цвели и зрели плоть и сила воли?
И надо мной на разных языках
Слова носились радости и боли.
Я впитывала их целебный сок –
Они горчили вызревшей полынью.
Читала счастье бытия меж строк
Великой книги, что зовется жизнью.
От этой длинной череды земной
Я становилась выше и сильнее…
Уйду зерном здоровым – не звездой.
Мне поле станет вечным мавзолеем.

II

Бушует жизнь, как горная стремнина,
Зовет любить, зовет бродить тайгой…
Но вот уже готова домовина –
Я ухожу, как и пришла, нагой.
И не спасут ни плач, ни обелиски,
Иссяк души и времени исток.
Лишь птица всколыхнет, летая низко,
Дичком возросший надо мной цветок.
Спасибо, жизнь, и я была на свете,
И я лежала маленьким звеном
В цепи земле отпущенных столетий,

Меж днем ушедшим и грядущим днем.
Но не прервался мной поток событий –
Мне свыше суждено все превозмочь.
Из чистого источника «родитель»
И сына напоила я и дочь.
Окончен путь. Для грусти нет причины:
Кто был и цвел, тот будет вечно жив.
Мои мне дети справят именины,
Детьми своими эту жизнь продлив.

АЛЫ ПАГЫЛ

Здесь бродит память босыми ногами,
Стоит в росистых травах по колено.
И белыми июньскими ночами
Вдыхает запах пустоты и тлена.
А чуткий воздух давних звуков полон:
Собачий лай,
счастливый смех влюбленных,
И детский неподкупный громкий гомон
Кружится в соснах,
будит сладкий сон их.
Здесь в Алы Пагыл жили люди прежде,
Блюдя закон, храня обычай древний.
Здесь был приют любви, приют надежде,
А нынче – дом «ничейный»,
двор «ничейный».
Здесь все в полон захвачено разрухой:
Постройки наклонились косо - криво,
Над остовом печи стоит старухой,
Качаясь, вездесущая крапива.
Ей закрывать последние странички
Иссякшей жизни -- книги о забвеньи.
А радостное утро по привычке
Благославляет «новый» день деревни.

Алы Пагыл -- Верхняя деревня (манс.)
т. е. Верхние Нарыкары

* * *

Бывают люди с лицами младенцев,
Ребенок есть с глазами мудреца.
В убийце спит страдающее сердце,
А в честном с виду – сердце подлеца.
Мир проходимцев, гениев и асов
Живет легко любя, легко губя.
Но Бог нам все же дал один из шансов:
Спасаясь – совершенствовать себя.
В работе трудной,
в праздном шумном пире
Не забывать о собственной судьбе,
Определив, что лучше в этом мире:
Служить или прислуживать себе.

* * *

Ты думаешь, стихи писать легко?
Не спать от мыслей долгими ночами
И вслушиваться в шум былых веков,
И спорить с жертвами и палачами.
И сердца своего не пожалеть,
И, умирая от чужого страха,
Почувствовать, как обжигает плеть,
И тело рвется с треском, как рубаха.
Прожить сто жизней добрых и плохих,
Чужой бедой болеть – и не однажды…
Да, может быть, легко писать стихи,
Но почему-то пишет их не каждый.

НЕ СУДЬБА

Я от этого берега
оттолкнулась веслом.
И на хрупком суденышке
меня вдаль понесло.
И теченье небыстрое,
да сдержать не могу.
Мне бы только до пристани
на другом берегу.
Там мне что-то завещано,
что-то сбыться должно…
Речка скалится бешено,
тянет камнем на дно,
Берег ярами горбится,
шторм лопатит пески.
Не надеждою – горечью
в той дали маяки.
И теченье небыстрое,
да волна, как броня.
На заветной на пристани
не дождутся меня.
Вот связала нелегкая
с непокорной водой!
Меня выбросит, комкая,
запоздалой волной.
Постаревшей, усталою
я на берег сойду –
Никого не обрадую,
никого не найду.

БРОШЕННОЙ

И, одумаюсь, и забуду,
И отплачу, и оскорблю,
И покаюсь честному люду,
Что одумалась -- не люблю.
Опалю свое сердце горем
И стыдом своим захлебнусь,
Убегу переспелым полем,
В роще выцветшей удавлюсь.
Будут птицы в осенней хмури
С холодком меня отпевать.
Будем солнце глазищи жмурить,
Видеть все и не понимать:
Для чего человек родился?
Для чего умереть решил?
Ну, подумаешь, он влюбился!
Плюнул бы, да еще пожил.
Может, так оно даже лучше.
Брошусь в высохшую траву:
Отреву, отстрадаю, струшу,
Плюну и еще поживу.

032580-1 80Д

СЫНУ

Ты не думай, что мир безучастно
В наши души, как в окна, глядит.
Плач обиженных, нищих, несчастных
Проливные нагонит дожди.
Если кто-то от счастья смеется,
Значит, солнышку легче сиять.
Если в тучи запрячется солнце,
Значит, страшно кому-то опять.
Люди ссорятся, любят. Прощаясь,
Расстаются и сходятся вновь,
Суетятся, ненужностью маясь
Праздных мыслей и ветреных слов.
И на все наши чувства, поступки
Мир откликнется вестью своей…
Будем жить осторожно и чутко,
Чтобы миру не сделать больней.

АННА

Кем полосынька твоя
нынче выжнется?
Чернооконька моя,
Чернокнижница.
М. Цветаева.

Изболится мое сердце,
истоскуется,
Душа с разумом не сладит,
не столкуется.
А твоею жизнью-песней
не утешиться:
Боль от боли не утихнет,
не уменьшится.
Не хотела рано с милым
расставаться ты,
С поцелуем его мнила
просыпаться ты.
Только счастье твое, Анна,
горем крашено,
Злыми тягами, как свечечка,
погашено.
В сад пойдешь тоску развеять –
древа свалены,
Выйдешь на люди,
а люди словно каменны.
Над твоей изгоревавшись
над кручинушкой,
Заломила белы рученьки
Маринушка.
Счастьица тебе Марина

не пророчила,
А любовь и боль твои –
твоя вотчина.
Идет лестницею вверх
жизнь капризная –
Постаревшая стоишь
и всесильная.
Ты взойди, взойди,
осиль эту лестницу,
Гордой женской правоты
благовестница.
Эта слава – боль твоя
затаенная.
Ах, головушка моя утомленная.
Ну, а счастье-то твое, Анна,
где оно?
Потускнела:
В двадцать первом
расстреляно.

* * *

Солона слеза в горстях.
У меня беда в гостях –
Эх, попотчую лихую,
Попляшу на радостях.
Частушка В. Ш.

Я душу о камни пораню,
Задабривая беду.
Заплачу от боли и в баню
Парную, как в топку, войду.
Хлещи меня веником, баня,
Сожги мое тело в пару,
Пусть срока, не выждав, повянет
Беда моя в этом жару.
И смою застывшую пену
Недобрых, завистливых глаз,
Нарядную кофту надену,
Что сшила себе про запас.
Надену сапожки из хрома,
Со скрипом да топну ногой,
Притопну другой да по дому
Потешусь-ка в пляске с бедой.
Пройдусь. Без вина захмелею,
В углы маяту загоню.
Что было, уже не жалею,
Что будет, еще не кляну.
Иссохнет беда, да извянет.
Утихнет и боль, отступя.
Эх, баня, сибирская баня,
Что делала б я без тебя!

УБОРКА В ДОМЕ

Копилась пыль в шкафу, на книжных полках.
Паук вязал свой невод в уголках.
На их беду затеяла уборку
Хозяйки расторопная рука.
И запаниковали тараканы,
Захлопотала моль, занемогла.
За шифоньеры, зеркала, диваны
Совали нос свой тряпка и метла.
Заклеивали трещины обои,
На солнце шапки жарились весь день.
Затосковало все семейство моли,
Усатый таракан забился в щель.
Ни день, ни два та сутолока длилась,
Ждал насекомых сильный нервный срыв.
Но вдруг затихло все, остановилось…
И заняли свои места ковры,
Шкафы опять захлопали дверями,
Паук в своем закуте сам – король,
И наслаждаясь пышными коврами,
Потягивалась сладко-сладко моль.
А таракан – усатая зверюга
Нашел на кухне уголок сухой.
И в доме жизнь опять пошла по кругу,
Восстановились счастье и покой.

* * *

Нам столько в жизни доброго дано,
Но разве можно передать словами.
Смотри, опять в раскрытое окно
Ночь заглянула детскими глазами.
Луна волшебным светом с высоты
Посеребрила волны у причала,
Звезда летит, чтобы сбылись мечты,
Но в чью ладонь она опять упала?
Штурмует ветер робко старый дом,
И оживает ветхая калитка,
И скрип нехитрый в воздухе ночном
Звучит призывно, словно плачет скрипка.
В такие ночи не страшна беда,
А молодости – ни конца ни краю.
И пусть в ладони падает звезда
В счастливые, чужие – я прощаю.

* * *

Лежала женщина, кричала,
Хватала воздух красным ртом.
Кричала и не понимала:
За что ее, за что, за что?!
Летала плеть легко, с размаха,
Со свистом долгим, наискось.
И взмокла мужняя рубаха,
И не было ни сил, ни слез.
Метались руки в беспорядке,
А плети сатанел захват.
Как были эти руки сладки
Недавно, года три назад.
И стан девичий ждал в истоме,
Но страшен нынче мужний суд.
Любовь, привычку, радость в доме –
Все выхлестал жестокий кнут.
А за забором ветхим бабы
Ругали: «Изверг! Ох изгой!
Да если б мы… Да если кабы…»
И шли, понурившись, домой.
Лежала женщина, стонала
В вечерней, выстывшей тиши.
Все существо ее кричало
От боли сердца и души.

* * *

Все небо в ярких сполохах огня.
Горит костер зари в рассветной рани,
И озеро лежит ковшом желаний –
Испей, - зовет, - испей же из меня!
И манит лучезарною волной,
И отражает дальних гроз зарницы.
Сюда со всех концов слетелись птицы
Жар крыльев остудить живой водой.
И мне бы так, и мне бы остудить
Любви пришедшей муки и восторги.
И к озеру, свернув на полдороге,
Припасть и пить зарю,
Припасть и пить.

* * *

Я знаю страх –
Он жил в моих глазах,
Когда в меня плевали лицемеры,
Им вторили лжецы,
От их аферы
Я превращалась в дрянь,
В отродье,
В прах…
Я знаю этот безысходный страх.

Я знаю плач –
Он рос в моей груди,
Когда мои друзья, мой дом покинув,
К врагу идут,
Согнув в услуге спину,
И просят моего врага:
- Прости.
Я знаю плач – он рос в моей груди.

Но жизнь идет
И не спешит на слом.
И мой любимый сердцем не скудеет,
Он как умеет,
Так меня жалеет,
И сын мой возвращается в мой дом…
А жизнь идет и не спешит на слом.

БАНЯ

Сегодня день особый, день субботний.
Дымит трубой в морозный небосвод
Общественная баня – храм серьезный,
Здесь общество не общество – народ.
Ведь в бане никакой субординации –
Ты наг и нищ, не в этом ли секрет,
Здесь нет делений по труду и нации,
Начальников и подчиненных нет.
А если до парилки кто добрался,
Скажу вам, их роднее не сыскать.
Пусть кто-то ходит в баню «покупаться»,
Да на себя водичкой поплескать,
Им хорошо, обходятся и ванной.
Ну что ж, уж кто к чему и как привык…
Сегодня день особый, славный, банный,
Всем дням денек. Эх, веник – не голик!
Сданешь с размаха – душеньку потешишь,
Да веничком березовым – мечта!
Себя за все грехи вперед отхлещешь,
А остальное, братцы, маята.

* * *

С годами мы безжалостно стареем.
С годами мы становимся мудрей.
Наверное, поэтому добреем
И чаще вспоминаем матерей.
Штурмуя дел непроворотных скучность,
Нам кажется, что правильно живем
И сознаем, что с мамой было лучше.
Да только слишком поздно сознаем.
Ах, если бы нам детство возвратили –
У соловья учились бы любить,
И песни бы такие сочинили,
Чтоб мамам захотелось дольше жить.

* * *

Мне нравится полет весенних туч:
В движении размеренном и стройном
Я вижу неожиданный уют,
Благоухает воздух духом хвойным.
И веет свежестью и простотой,
И мир в цвету, и радость, как впервые.
Такие только раннею весной:
То белые, то сине-грозовые.
Вдруг грянет ливень!
К струйке, как к струне,
Я прикоснусь, и зазвучит повсюду
Прелюдия явившейся весне,
Прелюдия явившемуся чуду.

* * *

Был мир как мир,
Был впору, был как надо!
Светило солнце, колосилась рожь,
По веткам торжествующего сада
Хлестал июльский благодатный дождь.
Резвились жеребята за рекою,
Сбивая пыль с дорожных лопухов,
Благоухали юные левкои…
Если б не боль от стихнувших шагов.
Она прошила сердце черной стежкой.
Как жить и не прощая, и любя?
Задерну в светлой комнате окошко –
Зачем мне мир цветущий без тебя?

ДОБРОТА

А красота, поверьте мне, не вечна,
С годами, потускнев, уходит в тень.
Ведь и река течет небесконечно,
Зарей вечерней отгорает день.
Тускнеют изумруды и опалы,
И крошится от времени гранит,
Дробится мрамор, оплывают скалы –
Ведь время самый сильный динамит.
Стирается от времени значенье,
Меняет свою цену красота
И может жить века или мгновенье,
Но постоянно вечна доброта.
Она спасает, помогает выжить,
Душе не разрешает постареть,
Не ищет ни наград себе, ни выгод,
А просто существует, просто есть.
Она непреходяща и весома,
Опора жизни, веры и мечты.
Оторванный от рода и от дома,
Однажды в доброту поверишь ты.
Мы красоте отводим роль кумира,
Она достойна почестей, наград.
А доброта – великий доктор мира:
Врачует души. Доброта – талант.

* * *

Отгуляло, отбродило лето,
Отпетляло тропками в лесах.
Серебристо облетевши с веток,
Птицы утонули в небесах.
Притаилось эхо в кронах сосен,
Лист осинки на ветру продрог.
Бабьим летом названная осень
Потеряла в травах свой платок.
Птицы, может быть, вернутся скоро,
Чтобы пустоту заполнить вновь,
И в глуши развесистого бора
Оживет вчерашняя любовь.
Оживет во мне воспоминанье
Суетливо-праздничного дня.
И поманит робко на свиданье
Юность опоздавшая меня.
Защемит ретивое сердечко,
В путь-дорогу тихо позовет…
Уроню с руки свое колечко –
Пусть его другая подберет.

* * *

Цветы и руки опустила,
В смятении своем застыв,
Как быть счастливой, позабыв, -
Тебя с собою разлучила.
Струится слог старинной сказкой:
Дай счастье мне, ты мне нужна!
Но слово странное «жена»
Воспринимается с опаской.
Вопросом донага раздета,
Догнавшей юности стыжусь,
Глаз исполу поднять боюсь –
Чем мне прикрыться для ответа?
Мне одиночество дано
Испить, как горькое вино.
Привыкла я свой крест нести –
И остаюсь одна. Прости…

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Новый день зимы, как день творенья:
Улеглась вчерашняя пурга,
И в волшебных чистых откровеньях
Первозданно стелятся снега.
День отдав холодному покою,
Расплескалась щедро тишина.
Спозаранку дверь свою открою,
Выйду в мир серебряного сна.
Я одна сегодня во вселенной,
На планете, выдуманной мной,
Что вчера была обыкновенной –
Ныне покорила новизной:
Прикорнул у тына снежный голубь,
Под березой старый пень, как дед,
Шапкой снеговой пригнут до полу,
Словно бременем прошедших лет.
Ель сморила праведная нега –
Веткой, замерев, не шелохнет,
Видно, пуховик из сна и снега
На всю жизнь земную бережет.
На дворе дырой чернеет будка,
А на ней не сена – снега воз,
Цепь висит безжизненно, как будто,
Там зима привязана, не пес.
И летят счастливые мгновенья,
А таким мгновеньям нет цены!
Первый день зимы, как день творенья,
День рожденья хрупкой тишины.

БЕРЕЗКА

Ее белую грудь не терзали,
Не касались ни нож, ни пила.
Топорами ее не кромсали.
И березка жила. Все жила.
Но свершилось. Откликнулся болью
Хруст, как крик – вздрогнул замерший лес.
Мелко заколотила листвою
Обреченная в купол небес.
И просторнее стало на свете:
Дальше даль и светлей небеса…
Лишь на пне, свежем пне в лесосеке
Долго не высыхала слеза.

* * *

Убегу в широко поле,
Где тропинки не видать.
Ах ты, ветер, вольна воля,
Вот пришла я помирать.
Лягу в травы и не встану,
Чтоб тебя не пожалеть.
И придут меня туманы
Зорькой утренней отпеть.
Как любила? Что хотела?
Ничего не поняла.
Вроде верила и пела,
Вроде силилась, жила.
Но одно я точно знаю:
С гор Прикамья снег сойдет,
И Абакшиха седая
Слезы облачком утрет.

Абакшиха – небольшая гора под гор. Чайковским в Пермской обл.

ТУНДРА

Здесь даже воздух более прозрачен,
Прозрачней, чем в тайге, перед грозой.
Здесь горизонт полоской обозначен
Чуть видимою светло-голубой.
Здесь ветры своевольные шаманят.
Простору нет ни края, ни конца.
И дали убегающие манят
Пушистой спинкой белого песца.

* * *

Я люблю уезжать от знакомых
И от незнакомых.
Я люблю уезжать в непроглядную
Летнюю ночь.
Уезжать, как прощать,
Рвать стальные тенеты законов,
Обязательств, обычаев.
И в неизвестное – прочь.
Я люблю уезжать
от незбывшихся тайных желаний
От бредовых идей,
От напрасных надежд уезжать.
Чтобы завтра опять,
Отряхнувшись от воспоминаний,
Все сначала начать…
Все сначала начать.

СЕВЕР

Мой древний Север, где твои истоки?
Какой же силой ты ведешь меня?
Через судьбу мою прошли дороги
Твоей земли. У твоего огня
Присаживаюсь обогреть ладони,
Послушать шум костра в ночной тиши,
И рыжий пламень бережно уронит
В мою ладонь искру твоей души.
Она взмахнет крылом – ночная птица –
Рожденная костром в жилом огне,
В волшебное сиянье превратится,
Откроет лик загадочной Мисне
И оживет в мансийской мудрой сказке,
Зарей рассветной обагрит тайгу,
Рассеются легко ночные краски
И серебром полягут на снегу.
Не открывай мне вековые тайны.
Я не ищу твоей души следов –
Я счастлива, что в горе и отчаяньи
Мне греет сердце шум твоих костров,
Что в роковое, горькое мгновенье
К их прикоснусь теплу, как к божеству –
И жизнь опять приобретет значенье,
И верю вновь, мечтаю и живу.

* * *

Проснусь я сегодня на заре –
Земля лежала в серебре тумана,
Тянулся он от дальнего кургана
И скапливался на моем дворе.

Всходило солнце из-за крыш крутых,
Лучи настойчиво струились,
Но звезды кое-где еще искрились
И исчезали в тучах кочевых.

Как мало надо – мир себе открыть,
И насладившись красотой и далью,
И радостью насытясь, и печалью, -
Понять, что значит в этом мире жить.

Жить в поисках добра, а не во зле.
И удивляться миру неустанно,
Вдруг осознать, что было б очень странно
Однажды не проснуться на земле.

* * *

Душа обязана трудиться…
Н. Заболоцкий

Сказать, как порождаются пороки?
Наверно, развращенностью души.
Чисты и благодетельны истоки
Ее порывов, но и за гроши
Растратить можно доброе стремленье.
Когда в тебя, как камень, зло летит –
Не всякая душа найдет спасенье,
Сплошает и себе не навредит.
Тяжелую она получит травму…
Да, Бог хитер; создав добро и зло,
Он в тело душу вставил, словно в раму
Вставляет мастер хрупкое стекло.

* * *

Я долго шла к ней
И дошла –
Вот та черта,
Та дань безволью.
За ней сгорает жизнь
До тла.
За ней не мучаются болью.
За ней «тот свет»
И немота,
Нет ни отзывчивых,
Ни черствых,
Нет от беды моей следа.
Черта –
Между живых и мертвых.
Через полшага,
Через вдох.
Через…
Уж всех живых прощаю…
Но быстрых ножек топоток –
Не трушу.
Просто отступаю.

* * *

Совсем уж было собралась зима
Сдавать свои права, да спохватилась:
В весенний день сошла она с ума
И закружилась, и засуетилась.
Бесчестных юбок белых карусель
Взлетала над сугробами, домами.
Разбушевалась знатная метель –
Не видно ничего перед глазами.
Ах, карусель моих надежд и бед,
Ах, карусель моих смешных желаний.
Заснежен дом мой, двор,
весь белый свет –
И нет ни дум, и ни воспоминаний.

ЛЮБОВЬ И КРАСОТА

Мы платим дань грядущему любовью,
Всю жизнь свою стремимся к красоте.
Но не они ли погубили Трою?
Не из-за них ли, бросив суете
Достойный вызов, шли на смерть беспечно
Безумцы лишь с одной большой мечтой:
Дать заболеть сердцам любовью вечной,
А душам – несказанной красотой.
Но в чем бы мы любовь не обвиняли,
А красоту пытались оболгать –
Мы все в огне костра их погибали
И возрождались, чтобы жить опять.

* * *

Наливай мне вина золотого –
Боль зажжется разбойным огнем.
Мне от терпкого духа хмельного
Станет все нипочем, нипочем.
Я сегодня счастливее многих,
Мне по сердцу невиданный пир.
Пусть уводят хмельные дороги
В разухабистый ветреный мир.
Разобью свою жизнь о застолье,
В горькой чаше вина утоплю.
Стану вольною птицей. На воле
Жизнь опять полюблю. Погублю.
Не терзаясь ни правдой, ни верой,
Я забудусь спасительным сном.
Разольется по скатерти белой
Мое счастье хмельное – вином.

СЕНТЯБРЬ

Еще земля не стынет под ногами,
И можно пробежаться босиком.
А осень уж пугает сквозняками,
Тоску наводит затяжным дождем.
В сорах обсохших выцвела осока,
Свежеет ветер, обостряя слух.
Над Обью утром сизой поволокой
Лежит тумана лебединый пух.
И листья у березы пожелтели,
Повыцвел полушалок у ольхи.
Все гуще листопадные метели,
И холоднее вечер у реки.

* * *

Меня взрастил и выкормил раздольный
Курганский край среди своих полей.
Но это небо, этот воздух вольный
Очаровали свежестью своей.
Скажи мне, Север, из каких сказаний
Ты белой былью в жизнь мою вошел?
Как дар судьбы, ловлю твое дыханье
И кутаюсь в метельный легкий шелк.
Люблю твои нехитрые просторы
И звонкий купол выстывших небес,
Разубранный сияньем, как узором,
Наряды юных северных невест.
Люблю весны неторопливой талость,
Дневной уют в шатре твоих ночей
И желтую осеннюю усталость,
И сумерки коротких зимних дней.
Как дар судьбы, ловлю твое дыханье
И кутаюсь в метельный легкий шелк.
Скажи мне, Север, из каких сказаний
Ты белой былью в жизнь вошел?

* * *

Листком осинки ветерок
Легко играет.
Акаций белых за рекой
Костер пылает.
Купаясь в золоте зари,
Стоят березы.
А сосны, как богатыри,
Мудры и грозны.
И привыкаешь к красоте
Такой неброской.
И мнишь в душевной простоте
Себя березкой.

* * *

Сосны – большие свечки
Замерли на яру.
Вдруг оживут, их ветки
В небе зарю сотрут.
Малость, но много ль надо
Мир этот изменить:
Яблоко взять у сада,
Ветку в тайге сломить.
Сбить на ходу ромашку,
Камень с горы сорвать
И обескрылить пташку,
Или любовь украсть
Миг и она забилась
В судорогах беды –
Долго ль жилось – любилось,
Стерлись твои следы.
Малость, а как зловеще
Мир изменился весь
Ветками сосны хлещут,
Бьют пустоту небес.

НОЧЬ

Подкралась из-за яра, из-за леса,
Я лишь успела дню рукой махнуть –
Уже на небе звездная завеса,
И мне от звезд сегодня не уснуть.
Вон месяц молодой. О чем он тужит?
О чьей земной любви затосковал?
А у крыльца в невысохшие лужи
Прозрачной лентой Млечный путь упал.
И звездопад никак не прекратится,
А ночь-царица в легких кружевах.
И звездный лебедь серебристой птицей
Слетел и утонул в моих глазах.

ЧТО ЕСТЬ ДУША?

Где обитает смертного душа?
Что это за субстанция такая,
Что тело человека покидает
В тот горький миг, когда он не дыша,
В ничто уходит, прахом становясь,
Ни боли, ни тоски не сознавая.
Что есть душа? Суть существа живого?
Иль стержень всех его идей и вех?
Душа ль над бренным телом держит верх,
За ней ли остается слово
Последнее, чтоб этот человек
Жил свой, а не другого век.
Что есть душа? Зачем она болит,
Когда обидят грубостью иль ложью,
И боль перетерпеть ту невозможно,
Не вынести ее, не пережить.
Лишь время эту боль убьет,
Заглушит – снова человек живет.
Случится так, и радость через край,
Душа поет и вырваться стремится,
И человек – не человек, а птица
И полетит ведь, только крылья дай,
И счастьем назовет, и удивится.
Что есть душа? Зачем она скорбит?
Зачем покоя и надежды алчет?
Душа ликует, мучается, плачет
Или в огне чужих страстей горит…
И не погибнет от любви и горя.
Что есть душа?

***

И все-таки
Мы в смерть родных не верим…
В. Радкевич

Ну что теперь я!?
Мама, мама.
Мне эту боль не заглушить.
Я так боялась телеграмму
Однажды ночью получить.
Я так боялась этой встречи.
Но тикал маятник ночей:
Миг – ночь,
Миг – день,
Миг – вечность.
Вечность…
И в девять дней.
И в сорок дней…

БЛАГОВЕСТ

Я миру, дав пощечину, сказала:
- Довольно ты меня топтал и мял!
И мир, с лица откинувши забрало,
Вдруг улыбнулся и дорогу дал.
Наверное, теперь я не такая,
Какой была,
Какой меня ты ждал.
А благовест, язык о медь терзая,
Предвидел все.
Все знал
И хохотал.

* * *

Полощет косы длинные березка на пруду.
Я юная и дивная по берегу иду.
Бросаю в воду камешки, в песке рисую след.
И нет забот пока еще, и горя тоже нет.
Еще весна двадцатая косу не заплела,
Еще зима косматая тропу не замела.
Не обсудили бабоньки еще мою беду.
Я юная и срядная по берегу иду.
Все впереди: любви свеча, измен тугой клубок,
Потом, колесами стуча, умчит меня мой рок.
Уеду, отобрав беду, как щепку от плетня…
Замужнею женой иду – счастливей нет меня.
Спокойный нрав,
серьезный взор и полный куль забот,
Серьезный взор и полный куль забот,
Зато не бросят мне в укор: распутно, мол, живет.
Зато не скажут про меня, мол, ветер в голове.
А что душа полна огня – не разгадать молве.
Что ночь порою вешнею меня с ума свела.
Любви начало грешное я снова бы прошла.
Пусть обсуждают бабоньки тогда мою беду –
Я гордая и срядная по берегу пройду…
Но наступил черед зимы – поры метель и стуж.
Нет в мире ласковой жены –
спокоен гордый муж.
А что любовь? Любовь была – весенняя капель.
Я никуда бы не ушла и не уйду теперь.
Едва горит любви свеча – я потушу, смогу.
Но кто из нас счастливей: я иль та на берегу?

* * *

Живи, сынок, в любви и сказку веря,
На все имей суждение свое.
А чтобы уберечься от потери,
Сумей не спровоцировать ее.

* * *

Мужчины нас , наверное, не любят,
Когда в угоду прихотям своим
Целуют нас и нежат, и голубят,
Клянутся: не оставят, не погубят!
И оставляют, уходя к другим.
Мужчины нас, наверное, не знают, -
Глядят в глаза и видят в них обман.
А сами взглядом пристальным пытают,
Оценивают, в общем, отбирают
Дотошно, словно лошадей цыган.
Им ничего не дашь наполовину –
Как дети и упрямы, и смешны,
Капризны, необузданны, наивны…
Ведь нас, наверно, (думают мужчины)
Им удалось купить за полцены.

* * *

Где наша мудрость? В мире информации
Пристанища ей, видно, не нашлось.
Пылятся гиппократы и горации,
Живем, надеясь больше на «авось».
И надо бы чуть-чуть подстраховаться.
А мы себе не хлопотно живем:
За знанье принимаем информацию,
А знание за мудрость выдаем.

* * *

Стояла и, злорадствуя, смотрела,
Месть подступала, как вечерний мрак.
Душа моя впервые в жизни пела:
Там в полынье захлебывался враг.
Хватался за осклизлый лед руками,
Но тщетно все – влекло его ко дну.
Кричал он не губами, а глазами:
- Дай руку, помоги! Ведь утону.
Не знаю, что в душе его кипело?
Была ли в нем еще та сила зла,
Которая меня б убить посмела
За то, что он тонул, а я жила.
Роились ли в душе воспоминанья
О той беде, в какую вверг меня?
Нахлынули минуты покаянья,
Когда его губила полынья?
Глаза кричали черными зрачками –
В них не было презренья, желчи, зла,
Лишь безысходность, горькое отчаянье
И страх, и боль. я руку подала.
Живи, люби, ликуй, мой враг постылый.
Наверно, человек устроен так,
Что слабого всегда спасает сильный,
и не смотря на то, что слабый – враг.

* * *

Я смирилась с таким положеньем:
Счастлив тот, кому это дано.
Даже с пагубным предубежденьем,
Даже если живет он грешно,
Чтит наживу и дышит отравой
И другим ту отраву дает.
Видно, дал ему Бог это право,
Потому он так «смело» живет.
Потому ему чуждо стремленье
Стать немножко честней и добрей.
Потому он открытым презреньем
Унижает достойных людей.
Скоро жизнь я свою подытожу:
Повидала всего, пожила…
Но за то благодарна я, Боже,
Что друзьями таких не звала.

* * *

Осенний дождь холодный, бесконечный,
С утра до вечера идет, идет, идет.
И кажется, что осень будет вечной –
С водой она никак не утечет.
Осенний дождь сродни моей печали:
Во мне, как осень, зажилась печаль.
Те, кто ушел, еще роднее стали,
Тех, от кого сама ушла я, жаль.
Мне б убежать сейчас на берег моря,
На солнце свое сердце отогреть.
Дожди идут, моей печали вторя:
Нет, не уйти тебе, не улететь.
Но смуту им уж не посеять в душу,
Я принимаю их, не тягощусь.
Наверное , поэтому не трушу
И все еще счастливою кажусь.

* * *

Пусть все сегодня кончится,
Пусть память точит нас.
Пусть упадет бессонница
Морщинками у глаз.
А завтра поздним вечером
Не мы сюда придем,
Да и терять нам нечего,
Чтобы жалеть потом.
Так думала и верила,
А мне бы подождать.
Была погода ветрена,
А нынче – благодать.
Была весна короткою,
А осень – в жизнь длиной.
Была смешной девчонкою –
Чужой живу женой.
А что ушло, то помнится:
Твоя любовь сейчас
Лежит, как тень бессонницы
Морщинами у глаз.

* * *

Смиряюсь с зубною болью,
Когда она утихает.
Смеясь, расстаюсь с любовью,
Которая умирает.
Приемлю твои измены,
Легко говорю о счастье…
Но ты же не видишь вены
Напрягшегося запястья.

ПРОРОЧЕСТВО

Ветра мне косы расплетали в поле,
А воронье пророчило: уйдешь,
В далекий край уйдешь по доброй воле,
Где деда ела лагерная вошь.
Ах если бы поднять всех женщин рода,
Всех до одной, им не хватило б слез
Оплакать боль тридцать седьмого года.
А был-то всего-навсего – донос.
Весна. Пьянит хвоя. Иду легко я
По ивдельской земле. А боль жива:
Здесь дед шагал под дулами конвоя –
За столько лет не поднялась трава,
За столько лет не постарели сосны,
Не высох кедр, не выцвел небосклон.
И запах табака – не папиросный –
Махорочный вползает на перрон.
Пропитан воздух им за треть столетья,
И треть столетья слышен вдовий плач…
Не шло проклятий, не ищу возмездья,
Но чью здесь волю исполнял палач?
Какую правду-истину искали?
Я полюбила этот край печали.
Чью веру насаждали под вранье?…
Как в воду ты глядело, воронье.

* * *

Вечер засветил берез верхушки,
Желтолицым опалил огнем.
Осень томным голосом кукушки
Зазывает в рощу нас,
Вдвоем.
Ничего, что не по восемнадцать,
Белые виски, полно забот.
Будем в желтой роще целоваться –
Пусть кукушка счет годам ведет.
Пусть кукует роковая птица.
Сколько жить нам –
Ей не угадать.
Будем в желтой роще веселиться –
Мы сегодня молоды опять.

* * *

Устрою в этой жизни беспорядок!
Какой, скажи, с меня сегодня спрос?..
И убоюсь, и убегу в распадок
Своих поступков, мыслей, дум и слез.
Мне этот беспорядок очень нужен,
Такой, чтобы по ветру петь и выть.
Такой, чтоб ваши высохшие души
Негодованьем вашим оживить.

* * *

Ломают дом –
Он много видел,
Пожил.
А нынче ему выпало –
На слом.
Все за него хозяин
Подытожил,
Все просчитал.
И умирает дом.
Обрушились опоры,
Балки с пылью,
Он столько лет ее копил,
Берег.
Углы, пыхтя и отдавая гнилью,
Ползут по швам
И тянут потолок.
Растаскивают стены тракторами.
Полы щетинят ломаной доской.
Наверное,
Под дряхлыми полами
Дрожит от страха
Добрый домовой.
А мне сжимает сердце
Боль потери,
Тоска и жалость
Раздирает грудь.
Дом умер.
Чудом выжившие двери
Еще стоят
И манят заглянуть.

* * *

Над синим лесом облака
Светло белели.
А по небу не лебеди –
Платки летели.
Узор по тем платкам играл,
Пестрел цветами.
Букеты роз соперничали
С васильками.
Платки летели, плавно воздух
Загребая,
Густую синь небес осенних
Рассекая.
А за лесами плакал жалобно
Ребенок,
Как будто выпал из цветных
Платков – пеленок.

II

Проснулась женщина, от боли
Задохнулась,
И застонала. Горько мужу
Улыбнулась.
Пришла старуха-повитуха
Или ведьма,
Сказала – сон тебе твой в руку,
Мол, намедни,
Родишь ты девку – нарисовану
Картинку.
- А коли девку, - рек мужик, -
Так Валентинку.

Хватая воздух ртом, беззубое
Созданье
Явилось миру на любовь ли,
Наказанье?
Уснула роженица. За окном метели
Махали крыльями.
Не лебеди ль летели?
Тепло в избе. Горела, треская, лучина,
И было всем светло от слова
Валентина.

* * *

Жизнь, говорят, дана – и слава Богу,
Живи в ладу с собой, хоть иногда.
А там, куда уж вынесет дорога,
А там, куда уж выведет звезда.
Настанет час, все в жизни подытожу.
Да будет благодарным тот итог, -
Не дай мне одиночества, мой Боже,
Душевной пустоты не дай мне, Бог.

КРУГОВОРОТ

Круговорот воды в природе:
То дождь, то ведро – снова дождь.
И этих вольностей в погоде
Не вычислишь, не переждешь.
Круговорот вещей в квартире:
Что было новым – отжило.
В семье, на службе, в вечном мире
Круговоротом благо, зло.
Круговорот друзей предавших
И не предавших – сколько их?
Круговорот врагов уставших
И новых – сильных, молодых.
Круговорот смертей, рождений,
Падений, взлетов – жизнь идет!
Надежды, веры, дум, сомнений
Круговорот, круговорот.

* * *

Я долго от беды своей скрывалась
За частоколом споров и обид,
В немыслимые крайности пускалась,
Побитой покидала «поле битв».
Да что оно – беды моей предтеча!
Вот оттолкнула: прочь поди , беда.
Беда схватила за крутые плечи,
Заставила кипеть в котле стыда.
И я за ребусами недомолвок,
За перечетом злых недобрых слов,
За суетою будничных размолвок
Забыла, что на свете есть любовь.
А я ведь их в себя не приняла,
Не чью-то, а свою беду лелея,
Оплакивая, в люди понесла.
Остановись, мгновенье! Каюсь, каюсь:
Не ту сыграла в этой жизни роль:
О собственные беды спотыкаюсь,
Излечиваю собственную боль.
Но замкнут круг: где выход, там препона.
Да только вырвусь, в колокол забью,
Освобожусь от тяжкого полона,
Чужую боль принявши как свою.

ВОЛЧИЦА

Обложили волчицу
Внезапно,
Безжалостно,
С ходу –
По бокам, впереди
Черной мушкой в зрачок
Смотрит смерть.
Позади – злое буйство реки,
Злая вера в свободу,
Тень мечты, луч надежды
И боль – только не умереть!
Обложили волчицу,
Загнали, в кольцо окружая, -
Из кустов, из травы,
От столетних сосновых стволов
Смотрит холодом смерть
Беспощадная,
Только у края –
Пятачок, клок земли
И желание – не умереть!
Оглашенная, глупая,
Что ей сулят эти воды?
Что зовет ее броситься
В этот безумный полет?
Клич беды? Дар судьбы –
И глоток той желанной свободы!
Лязг затвора – не радости рык.
Это смерти захлест…
Тело медленно-медленно
Падало в мутные воды,

В потемневшее небо
Метнулся затравленный взгляд –
Там серебряной пылью
Мерцали и плакали звезды,
Как глаза ее маленьких
Осиротелых волчат.

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

I

У юности просты ориентиры –
Душа зовет в неведомую даль.
И мчится из ухоженной квартиры
Куда – Бог весть!
И ничего не жаль.
Меня судьба водила по дорогам
Метельной тундры,
Выстывшей тайги,
Бросала со стремнины*,
По отлогам
Уральских гор звучат мои шаги.
В диковинку ль –
Мороз под сорок с лишним!
Анапская июльская жара!
А дома бродит запах дикой вишни.
А дома все, как было.
Как вчера…
Дела заброшу,
Книжки.
Нынче к лету
Возьму билет на самолет –
Домой!
Встречайте менщиковские рассветы!
Приветствуй меня, край, забытый мой.

II

Сидим рядком за чаем с бабкой Марфой.
О том, о сем заводит бабка речь.
А я дышу знакомой, ароматной

Избой. А в полизбы – царица-печь.
В печи с утра уже томится каша,
И каравай печется на поду.
Сижу, глаза на все вокруг тараща –
Когда еще сюда я попаду!
Задумалась.
Жарой не мучит лето.
Свеж и прохладен день.
В цвету поля
Вдруг встрепенулась –
Громыхнуло где-то,
И грохотом наполнилась земля.
Ищу грозу на небе –
Вот потеха!
На нем нет туч,
Спокойна жизнь села.
А бабка Марфа разразилась смехом:
- Тележный ход за гром-то приняла.
Отвыкла от деревни,
Что лукавить.
Сижу, утратой тронута слегка:
Забыто многое – не вспомнить,
Ни поправить,
Как будто не года прошли – века.

III

Как ватой, гулом заложило уши,
И самолет земли коснулся вскользь.
Вот возвращаюсь слушать голос стужи,
Читать пургу знакомую до слез.
А где-то там, за белыми ночами,
За сумерками северного дня

Живет деревня и не замечает,
Что нет меня.
Как не было меня.

*Стремнина – крутой,
скалистый обрыв /устар./

* * *

Рассвет застиг негодницу в объятьях
Чужого мужа да в полынь-траве.
Поправила привычно складки платья,
Прическу на безумной голове.
Была любви немеренная ночка.
И чувствам, и страстям отдавши дань,
Шла, крадучись , вдоль старого садочка,
Туманную приветствовала рань
И думала, что все село обманет,
А думала, что ночь-то - на года.
Но бабы клавы, бабы нюры, мани
Уж подсоединили провода.
И полетела весть от дома к дому,
Скликая мужних жен, разженок, вдов, -
Куда там сотовому телефону
До бабьих телефонных проводов!
А блудница, прикрыв невинно очи,
Ступала неторопко, чуть дыша,
А сердце-то уж ждало темной ночи,
И замирала жадная душа.
Румянцем тайным щеки полыхали –
Уймись ты, дрожь постыдная, в ногах!
А бабы осуждали и… вздыхали,
Скрывая грусть осеннюю в глазах.

* * *

Все мудрствуем, а думаем – мудреем,
Доказываем, что умней живем.
Собак и кошек, как детей, лелеем,
Им пищу и любовь свою даем.
Из кожи лезем – шьем для них штанишки,
Ни времени не жалко, ни затрат,
А рядом беспризорные детишки
Живут не лучше брошенных щенят.
Нет, я не упрекаю, я не против –
Давай жалеть и птичек, и зверье,
Но так, чтобы ничьих зверей – в питомник,
Детей ничьих – в нормальное жилье.
- Ах, мы и сами жить-то не умеем:
То стресс, то сердце, то… - лекарство пьем…
И мудрствуем, а думаем – мудреем,
А думаем, что правильно живем.

ВСЯ ЖИЗНЬ – ДОРОГА

Вся жизнь – дорога.
Твоя – прямая,
А у него завязана узлом.
Мозгуй почаще –
В руках две чаши,
А чаши налиты добром и злом.
Вся жизнь – дорога
В камнях, в ухабах,
Изрыта и оплакана дождем.
Для сильных - подвиг,
Беда для слабых
И выбор между добром и злом.
Я выбираю
Свою дорогу,
Но попрямее, чтоб не трясло,
Чтоб ветер в спину,
А солнце сбоку,
Добро – направо, налево – зло.
Ступаю смело
На ту, другую.
Но мне, как многим,
Не повезло:
И выбиваюсь,
И протестую,
И примиряю добро и зло.

* * *

Душа моя к тебе опять стремится,
Летит, а натыкается на лед.
И мечется,
Разбиться не боится,
А ты ее, как раненую птицу,
Ушибленным крылом
Да о землицу…
Обратный ей не вынести полет.

* * *

С крыльца сбежала,
Обхватила,
Платок скользнул,
К ногам упал.
Ах, как ждала я!
Как любила!
А ты стоял, торжествовал.
Как загадала,
Так любила,
А по-другому не могла.
Руками плечи обхватила
И поняла,
Что солгала.
Сама себе.
Какая жалость!
И столько лет жила во лжи –
Себе счастливою казалась,
Любила сладко… миражи.
Но лег на сердце едким чадом
Измен обугленный туман…
Ты уходил заросшим садом,
А следом мой
И твой
Обман.

СОВЕТЫ ПОДЧИНЕННЫМ

Когда в начальстве есть потребность,
Вперед узнай его настрой –
Не будь занудой и зловредой,
Терпи, прислуживай, не требуй,
Его указкам слепо следуй.
Кто ты?
Тупица, мошка, хлам.
Уйдешь и скажешь там, за дверью,
Но только тихо:
- Сам ты хам!..

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Отшить бы хама словцом покруче,
Пройти от быдла бы боком, боком,
Но горб порядочности навьючив,
Я кичусь этим проклятым горбом.

ПОЗЕР

Позерство – сеть для простаков
И образец для восхищенья!
Позер весь мир готов,
Познав его по объявленьям.

САМОДОВОЛЬСТВО

Самодовольство – сам доволен,
Собой доволен и любим.

Диагноз страшен – страшно болен,
Жить будет, но… не излечим.

СЕРОСТЬ

Как старость нам испытывает нервы.
Жила бы уж как ей положит Бог.
Так нет же!
Лезет в ряд, да еще в первый,
А впереди бежит, не чуя ног.
Учить людей стараются без меры,
Да их же за двугривенный продаст,
Убьет мечту, разрушит слепо веру.
Сама не может и другим не даст.

НАГЛОСТЬ

Я перед ней теряюсь, даже трушу,
Развязная, с недобрыми глазами,
Она, не церемонясь, влезет в душу,
Причем залезет вместе с сапогами.
Надменна, беспардонная. Между прочим,
Ей чужды верность, праведность, участье.
Нет на нее ни сглаза и не порчи.
Но, говорят, она – второе счастье.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Хвост распустив, далекая комета
Летит по небу сорванной звездой,
Спешит к источнику тепла и света.
Как звездный призрак, вечности изгой.
Она к своей невиданной орбите
Прикована – прочнее нет оков –
Явила грешным людям, как открытие,
Беду свою – несчастную любовь.
Достигнувши в который раз ефелия,
Несет светилу свою плоть, чтоб смочь
Вдохнув опасный жар на перигелии
И улететь в космическую ночь.
Чтобы потом вернуться к солнцу снова,
Сжечь в пламени его и боль, и грусть.
Я с радостью б взяла ее оковы
Бесценным украшением на грудь.
И мне бы так: презрев корысть и робость,
Забыв покой, удобства, явь и сон,
Лететь в мечту безумную, как в пропасть,
Как бабочка-глупышка на огонь.
Или махнуть рукой, уйти в заботы:
Чего гореть – обут, одет и сыт.
Из дома – утром, вечером – с работы…
А там, во тьме комета все летит.

СОДЕРЖАНИЕ

«И к озеру припасть и пить зарю» 3
Я люблю тебя жизнь 5
Мы любовь свою долго к себе приучали 7
Судьба отмерит столько, сколько надо 8
На месте лежа, обрастает камень 9
Бедные, измотанные люди 10
Жизнь 11
Алы пагыл 13
Бывают люди с лицами младенцев 14
Ты думаешь, стихи писать легко 15
Не судьба 16
Брошенной 17
Сыну 18
Анна 19
Я душу о камни пораню 21
Уборка в доме 22
Нам столько в жизни доброго дано 23
Лежала женщина, кричала 24
Все небо в ярких сполохах огня 25
Я знаю страх 26
Баня 27
С годами мы безжалостно стареем 28
Мне нравится полет весенних туч 29
Был мир как мир 30
Доброта 31
Отгуляло, отбродило лето 32
Цветы и руки опустила 33
Зимняя сказка 34
Березка 35
Убегу в широко поле 36

Тундра 37
Я люблю уезжать 38
Север 39
Проснусь я сегодня на заре 40
Сказать, как порождаются пороки? 41
Я долго шла к ней 42
Совсем уж было собралась зима 43
Любовь и красота 44
Наливай мне вина золотого 45
Сентябрь 46
Меня взрастил 47
Листком осинки ветерок 48
Сосны – большие свечки 49
Ночь 50
Что есть душа? 51
Ну что теперь я!? 52
Благовест 53
Полощет косы... 54
Живи, сынок 55
Мужчины нас, наверное, не любят 56
Где наша мудрость? 57
Стояла и, злорадствуя, смотрела 58
Я смирилась 59
Осенний дождь 60
Пусть все сегодня кончится 61
Смиряюсь с зубною болью 62
Пророчество 63
Вечер засветил берез верхушки 64
Устрою в этой жизни беспорядок 65
Ломают дом 66
Над синим лесом облака 67
Жизнь, говорят, дана – и слава Богу 69

Круговорот 70
Я долго от беды своей скрывалась 71
Волчица 72
Маленькая поэма 74
Рассвет застиг негодницу 77
Все мудрствуем 78
Вся жизнь – дорога 79
Душа моя к тебе 80
С крыльца сбежала 81
Советы подчиненным 82
Интеллигент 82
Позер 82
Самодовольство 82
Серость 83
Наглость 83
Комета Галлея 84

Валентина Иосифовна Шестакова

Круговорот
стихи

Редактор В. Волковец
Технический редактор Р. Завадская

Сдано в набор 25. 05. 2000 г.
Подписано в печать 6. 07. 2000 г.
Формат 60x80/16. Печать офсетная.
Условных печатных листов 4,5
Тираж 500
Лицензия ИД № 01441 от 5. 04. 2000 г.

УП ХМАО «Советская типография»
628240 г. Советский
Ханты-Мансийский АО.
ул. 50 лет Пионерии 11 «в»
тел. (34675) 3-10-84